

T. B. Станюкович

Памятники материальной культуры народов европейской части СССР и зарубежной Европы

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР — наследник коллекций и здания Петровской Кунсткамеры — хранит в своих фондах и архиве значительное число памятников культуры народов, населяющих Европейский регион. Некоторые из них насчитывают более двух с половиной веков своего существования, другие характеризуют культуру наших дней.

Первым собирателем коллекций этого отдела был основатель Петербургской Кунсткамеры Петр I. Он привез из путешествия по Европе значительное число предметов европейской культуры, поднесенных ему в дар или специально приобретенных для музея.¹

Эти поступления, однако, были немногочисленны и нетипичны для профиля собирательской работы Музея в целом: этнографическая наука, первые побеги которой вырастали в недрах науки географической на протяжении первой половины XVIII столетия, была ориентирована на изучение народов экзотических.

Включение Петербургской Кунсткамеры в систему созданной в 1724 г. Петербургской Академии наук сыграло огромную роль как в истории науки в целом, так и в развитии отечественного музейного дела. Роль эту трудно переоценить: Петербургская Академия наук, для работы в которой были приглашены ученые из различных стран Европы, с первых же десятилетий своего существования синтезировала опыт отечественных ученых и достижения западноевропейской науки. Наличие в составе Академии гуманитарного профиля увеличивало авторитет исторических дисциплин, стимулировало более активный сбор и профессиональный подбор этнографических материалов.

Особенно большую роль в накоплении и развитии этнографических знаний сыграли экспедиции Академии наук, обследовавшие огромные пространства как европейской, так и азиатской части империи. Экспедиции эти начались не на пустом месте. В результате ряда поездок 1710—1720 гг. был уже собран значительный материал (записи, коллекции), пробудивший интерес к этнографии (или, как тогда ее чаще называли, «политической географии») отечественных народов и способствующий подготовке трудов, в значительной мере посвященных проблемам ее.

В свете интересующего нас региона прежде всего необходимо отметить научную, научно-организационную и научно-собирательскую деятельность В. Н. Татищева, сыгравшую огромную роль как для этнографиче-

¹ Musei Imperialis Petropolitani, vol. II. SPb., 1742, pt 2, seria 96, VIII N 15, 30—41, 81, 112; IX N 42—44 etc.

ской науки в целом, так и для пополнения фондов Музея вещественным материалом в частности. Татищев, будучи сам активным пополнителем Музея, привлекал к этому и многих других.² Одним из направлений его кипучей деятельности в области этнографического изучения европейской части страны была работа, связанная с «географическим описанием отечества». В 1730-е годы Татищев возглавляет деятельность геодезистов по подготовке карт и составлению географического описания, которое он понимал очень широко. В этом можно убедиться, познакомившись с составленными им анкетами и инструкциями: анкета 1734 г. состояла из 92 вопросов, 1737 г. — из 198, причем основная масса их имела отношение к антропологии и этнографии, сосредоточенных в разделах «О границах», «О жителях», «О жилище». Его интересовал физический облик жителей, их одежда, селение и жилище, занятия, общественный и семейный быт, обряды, верования и т. д. Эта анкета имела три варианта: первый из них рекомендовался для изучения «всех губерний», второй — «токмо до Архангелогородской, Казанской, Астраханской и Симбирской и частью Нижегородской губерний, где многие идолопоклоннические народы находятся», а третий — «токмо для одних татар магометанского закона».³

Из геодезических экспедиций, а несколькими годами позже из Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) Кунсткамера начинает пополняться памятниками культуры и быта главным образом народов Поволжья и Приуралья. Обследование Приуралья производилось под руководством И. К. Кириллова, а затем П. И. Рычкова. В трудах последнего Южное Приуралье получило детальное и всестороннее описание, а академический музей — интересное собрание вещественных материалов.⁴ Труды Рычкова заслужили высокую оценку, а он сам стал первым русским ученым, избранным в члены-корреспонденты Академии наук.

Дальнейшее пополнение «европейского» фонда Музея связано с академическими экспедициями 1750—1770 гг., охватившими своими исследованиями огромную территорию, начиная от районов, примыкающих к западным границам империи (Белоруссия, Молдавия, Бессарабия), до крайнего северо-востока Сибири и от Северного Ледовитого океана до южного побережья Каспийского моря. В разработке планов этих экспедиций активное участие принимал руководящий одним из отделов Кунсткамеры академик П. С. Паллас и адъюнкт И. И. Лепехин.⁵

Маршрут Палласа охватывал Поволжье, Оренбургский край, Приуралье и ряд регионов Сибири. Результаты его кипучей экспедиционной и научной деятельности изложены в многочисленных трудах, содержащих массу интересных сведений для этнографии.⁶ Особую ценность в этом отношении представляет «Путешествие по разным провинциям Российской империи», в котором он суммировал материалы, собранные им самим, В. Ф. Зуевым и Н. Соколовым. Оно составлено в форме путевого дневника, в котором по ходу маршрута описываются встречавшиеся им города, се-

² А ндреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. — В кн.: Исторический архив. М.; Л., 1951, т. VI, с. 271.

³ См.: Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950, с. 107—137; Косвен М. О. Из истории русской исторической науки XVIII в. Научно-организационная деятельность В. Н. Татищева. — История СССР, 1961, № 3, с. 160—165; Попов Т. Татищев и его время. М., 1861, с. 666—696.

⁴ Бакмайстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1779, с. 124; Musei Imperialis..., X № 53—87; XI № 100—139; XVIII № 1—110; Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762.

⁵ Лепехин И. И. Дневниковые записки путешествия по провинциям Российской государства. СПб., 1795.

⁶ Список сочинений П. С. Палласа см.: ЖМНП, 1895, апрель, с. 400—437.

ления, жилища, одежда, занятия, обычаи и верования различных народов.⁷ Наиболее подробно он останавливался на этнографии народов Поволжья и Оренбургского края.⁸ Одновременно им были приобретены интереснейшие собрания по различным сторонам культуры и быта марийского, мордовского, чувашского и башкирского народов,⁹ до сих пор хранящиеся в МАЭ.

Маршрут Лепехина, руководившего другим отрядом, охватывал Нижнее и Среднее Поволжье, Оренбургский край, Южное и Среднее Приуралье и заканчивался на Крайнем Севере европейской части России (бассейн Сев. Двины, Кольский полуостров).

Сбор этнографических сведений и коллекций проводившимися академическими экспедициями создал базу для написания монографий. Первым научным трудом, ознаменовавшим начало нового периода на пути формирования этнографической науки, явился опубликованный в 1776—1780 гг. труд участника астраханского отряда той же экспедиции И. И. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». В нем был суммирован накопленный к этому времени музейный и полевой материал по культуре и быту отечественных народов.

Структура этой работы отражала направленность академических исследований 2-й половины XVIII в. и степень изученности отдельных народов или целых групп их к этому периоду. При чтении его становилось совершенно очевидно, что меньше всего коллекционных и полевых данных отечественная этнография накопила по народам славянской группы, по культуре и быту которой имелись лишь отдельные предметы. Как показывают путеводители по Кунсткамере XVIII—начала XIX в., значительную ценность представляли лишь систематически подобранные коллекции по народам Поволжья и Приуралья.¹⁰

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении народов Европы. Перечисляемые в путеводителях «искусством произведенные вещи» связаны с личностью Петра и его дарителей и лишь с натяжкой могут быть привлечены для изучения культуры того или иного народа («бокал предкой работы гамбургского токаря Сангера», «янтарные ларцы и зеркало, поднесенное Петру прусским королем Фридрихом I» и т. д.).¹¹

История этнографического изучения славянских народов тесно связана с историей этнографической науки в целом. В конце XVIII—начале XIX в. этнографические исследования приобретают самостоятельное значение. Они все более отдаляются от породивших их биологических дисциплин и все теснее контактируют с исследованиями гуманитарного профиля — историей, языкоznанием, литературоведением. Источниковедческая база этнографических исследований соответственно расширяется и обогащается. Помимо главных (и почти единственных) источников для XVIII в. — полевых и музейных материалов, начинают использоваться сведения из публикуемых в этот период рукописных источников, а также данные языкоznания не только этнолингвистической классификации народов (как это делал Татищев), но и в качестве данных по этногенезу конкретных народов. Именно к концу XVIII в. относится появление первых

⁷ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809, с. 43—47, 49—50, 65—98 и др.

⁸ Там же, с. 81—84, 455—535, 566—586, 347—354, 410—451 и др.

⁹ МАЭ, кол. № 766; Крюкова Т. Л. Коллекции П. С. Палласа по народам Поволжья. — Сб. МАЭ, 1949, т. XII, с. 139—160.

¹⁰ Бакмайстер И. Г. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей...; Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800, ч. I—III.

¹¹ Там же, с. 147—148, 150—151.

сборников фольклорных материалов,¹² первые описания быта русского крестьянства в русской обличительной литературе,¹³ а также первые описания некоторых локальных и этнографических групп в научной литературе. Что касается изучения материального быта славянских народов, то он еще долгое время остается вне сферы изучения.

Коренной сдвиг в этом направлении происходит во второй половине XIX в. в связи с деятельностью Этнографического отделения Русского географического общества (РГО). Тесный контакт Академии наук с Географическим обществом принес обоюдную пользу: Академия активно содействовала организации Этнографического отделения РГО и налаживанию экспедиционной и музейной работы; научные дискуссии ученых различных ведомств и учреждений, происходивших в РГО, способствовали формированию этнографии как науки, в частности уточнению предмета и методики этнографических исследований на новой, более фундаментальной теоретической основе, усилению изучения географических факторов, влияющих на человека и его культуру. Решающую роль они играли также в развертывании сбора и описаний материальной культуры и быта славянских народов, значение которых для этнографической науки учеными академических учреждений недооценивалось. К этому же периоду относится появление тесных научных контактов между антропологией и этнографией, приведших на первых порах к появлению новой отрасли науки — этнической антропологии, а затем и административное закрепление в реорганизованном академическом музее — Музее антропологии и этнографии Академии наук. К моменту его основания (1879 г.), помимо упомянутых выше коллекций по народам Поволжья и Приуралья, Музей располагал всего лишь несколькими коллекциями, собранными у русских. Характерно, что среди составляющих их экспонатов преобладали как бы экзотические, т. е. не вполне обычные для посетителя. К ним относились предметы архаического быта, давно уже исчезнувшие на коренной территории расселения народа, но сохранившиеся в отдаленных, изолированных районах, главным образом у отдельных групп, обитающих в иноэтническом окружении на Крайнем Севере европейской части страны, в Сибири и т. д. Довольно значительное собрание по народным промыслам не составляло исключения. Большая часть предметов, входивших в него, была приобретена у социальной верхушки крестьянства и отличалась богатством, а иногда и вычурностью форм. Поэтому многие из них представляли больший интерес для искусствоведов, чем для этнографов. Культура же большинства населения, вплоть до советской эпохи, оставалась вне изучения.

К началу XX в. картина резко изменяется. Возглавивший в 1894 г. Музей академик В. В. Радлов организовывает планомерное пополнение фондов его, в том числе и по народам европейской части страны и частично по народам зарубежной Европы. «Прекрасный организатор, подлинный „ловец людей“, он, — вспоминает Л. Я. Штернберг, — обладал талантом практика в отыскании „путей и средств“. С таким талантом, умноженным счастливым даром долголетия, за двадцать пять лет своего управления ему удалось добиться совершенно исключительных результатов».¹⁴

Мы не будем перечислять здесь все «пути», «средства», а также давать характеристику всем лицам, которых академик Радлов сумел «уловить» или, вернее, заразить энтузиазмом на пользу отечественной науки и руко-

¹² См.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. М.; Л., 1958, т. 1.

¹³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790.

¹⁴ Штернберг Л. Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев. — Природа, 1925, № 7—9, с. 60.

водимого им Музея антропологии и этнографии, тем более что большая часть из них охарактеризована в ряде наших статей.¹⁵ В числе их были академики и крестьяне, путешественники и купцы, военные и художники, профессиональные ученые, общественные деятели, любители коллекционеры и коммерсанты. Отметим лишь основные источники пополнения европейского фонда МАЭ и основных собирателей.

Первым и важнейшим источником пополнения были организованные МАЭ экспедиции для планомерного пополнения фонда, характеризующего культуру и быт отечественных народов, населяющих европейскую часть страны. В связи с тем что хуже всего в этом плане дело обстояло с коллекциями по восточнославянским народам, в конце XIX—начале XX в. организуется ряд экспедиций на Украину, в Белоруссию и на север европейской части России. Крупнейшими участниками их были старший этнограф МАЭ Д. А. Клеменц (обследовавший Херсонскую, Таврическую и Ставропольскую губернии), художник-этнограф МАЭ С. М. Дудин (изучавший население и его культуру Полтавской, Киевской и Херсонской губерний) и «приватно занимающийся при музее» антрополог и этнограф Н. М. Могилянский (посетивший Полтавскую, Черниговскую и Екатеринославскую губернии). В результате этих экспедиций фонды МАЭ не только пополнились прекрасными собраниями по быту и народному искусству украинцев, но и большим числом зафиксированных в полевых дневниках исследовательских материалов. В ряде случаев сбор материала сопровождался фиксацией основных элементов материальной культуры, а также антропологических типов ее носителей путем зарисовок и фотографирования. Последний метод был для той эпохи новшеством. Наиболее активным сторонником использования фотографирования в экспедиционных условиях становится Дудин, благодаря которому и было зафиксировано значительное число материалов по народной культуре и быту украинцев. Мало того, фотоматериалы с этого времени начинают коллекционироваться и храниться в фондах МАЭ наравне с другими иллюстрированными материалами.¹⁶ Одной из форм сбора их, способствующих плановому пополнению фондов Музея, была выдача «открытых листов» на право изучения и фотографирования населения, которые дирекция МАЭ выдавала любителям этнографам, художникам и фотографам, обязывая их сдавать собранные коллекции, материалы и фотографии в фонды МАЭ.

В числе крупнейших собирателей коллекций по культуре и быту русского народа следует назвать известную коллекционерку предметов русского народного искусства М. К. Каблукову-Горбунову, поднесшую в дар МАЭ великолепную коллекцию русских кружев, а также заведующего естественноисторической станцией на р. Печоре в с. Усть-Цильма А. В. Журавского. Познакомившись со своеобразным бытом русского старожильческого населения Печорского края, он приобретает для МАЭ редчайшее собрание по хозяйству, быту, народному искусству, верованиям и способствует дальнейшему пополнению фондов Музея по этому региону через посредство Д. Д. Травина,¹⁷ А. И. Рогачева и др. Программы и инструкции, высылаемые из МАЭ отдельным собирателям и местным учреждениям, способствовали улучшению состава и документации вновь поступающих коллекций.

¹⁵ См.: Станюкович Т. В. 1) Коллекции Музея антропологии и этнографии по народам Европы и европейской части СССР. — Сб. МАЭ, 1972, т. XXVIII, с. 5—31; 2) К истории комплектования восточнославянского фонда МАЭ. — Сб. МАЭ, 1980, т. XXXV, с. 10—16.

¹⁶ См. статью И. В. Жуковской в наст. сб.

¹⁷ См. статью Р. В. Каменецкой в наст. сб.

Благодаря хорошо поставленной инструкторской деятельности не только ученые-профессионалы, но даже служители Музея формировались в опытных коллекционеров. Так, например, большую часть коллекций по народам Прибалтики приобрел для Музея служитель П. Саминов.¹⁸ Представленные им в Музей предметы и собирательские описи показывают, что этот малообразованный, но очень способный человек усвоил собирательские методы, выработанные в МАЭ: коллекции, собранные им, представляют собой наборы (комплекты одежды, орудий), собирательские же списки характеризуют их назначение и содержат названия предметов на местном языке или диалекте.

Значительно пополняются в конце прошлого—начале нынешнего века коллекции по финно-угорским народам. Первые собрания по тверским карелам поступают в МАЭ от сельской учительницы М. В. Михайловской, изучавшей по поручению МАЭ в течение ряда лет культуру и быт карел Бежецкого и Весьегонского уездов. Для овладения методикой и техникой сбора Михайловская не раз приезжала в Петербург, где была подробно проинструктирована. Она же собрала для Музея прекрасную коллекцию вышивки¹⁹ различного типа, в том числе и образцы шитья тождественного севернокарельскому. Эти коллекции (до сих пор хранящиеся в фондах МАЭ) заинтересовали директора Гельсингфорского музея д-ра Т. Швиндта, с именем которого связано обогащение фондов МАЭ коллекциями, характеризующими культуру и быт финского народа. Руководивший сбором этих коллекций Т. Швиндт способствовал высокопрофессиональному подходу к сбору и документации их. В числе их имеются серии мужской и женской одежды из различных районов Финляндии, промысловых и сельскохозяйственных инструментов, утвари и т. д.²⁰

В числе пополнителей собрания, и без того уже богатого, по населению Поволжья был почетный член Академии наук адмирал К. Н. Посьет. Будучи участником многих кругосветных плаваний, он, сверх того, пополнил фонды Музея отдельными предметами, характеризующими народное искусство и быт исландцев, норвежцев, испанцев и др.

Крупнейшие собрания по народам Европы поступили в МАЭ в 1897 г. из Болгарии. Это была часть поднесенного Александру II дара в благодарность за освобождение страны от турецкого ига. Коллекция состояла из одежды, вышивок, тканей, ковров, керамических изделий и иных предметов из городов Рущук, Плевен, Свищов, Никополь, Раград, Тырново, Варна, Елена, Самоков, Охание, Враца, Дугница, Пазарджик, Провадне, Шумала и их окрестов. В настоящее время эта коллекция представляет уникальный интерес, так как не только в СССР, но и в самой Болгарии не имеется столь точно датированного собрания из самых различных уголков страны.²¹

В советскую эпоху коллекционирование отдела определяется направлением научно-исследовательской работы Музея, а с 1933 г. — созданного на его базе Института этнографии АН СССР.

Крупнейшим собирателем этого периода был Д. К. Зеленин, возглавлявший работу отдельно вплоть до начала 1940-х годов. Именно он вводит в практику серийный подбор коллекционных материалов, в частности орудий труда, одежды, обуви, головных уборов и др.²² Тщательное и раз-

¹⁸ См.: Юхнева Н. В. Женская одежда эстонцев островов Сааремаа и Муху. — Сб. МАЭ, 1972, т. XXVIII, с. 150—179.

¹⁹ См.: Жуковская И. В. Вышивка тверских карел по коллекции М. В. Михайловской. — Сб. МАЭ, 1972, т. XXVIII, с. 180—198.

²⁰ Станюкович Т. В. Коллекции МАЭ по народам Европы и европейской части СССР. — Сб. МАЭ, 1972, т. XXVIII, с. 24.

²¹ Гаген-Торн Н. И. Болгарская одежда по коллекциям ленинградских музеев. — Сб. МАЭ, 1958, т. XVIII, с. 208—247.

²² МАЭ, кол. № 3340, 3532, 6576 и др.

ностороннее изучение в кабинетных условиях составляющих эти серии предметов (техники изготовления, покроя одежды, конструкции устройства и т. п.) позволили ему впервые в истории науки наметить типовые комплексы ряда элементов материальной культуры,²³ а в дальнейшем выявить общие черты, присущие восточнославянской культуре в целом.

Помимо русского населения, на территории его коренного расселения (изучение которого особенно широко развернулось в послевоенные годы в связи с подготовкой историко-этнографического атласа) большое внимание уделялось локальным группам, обитающим в иноэтническом окружении. Благодаря этому фонды МАЭ пополнились коллекциями по русскому населению Сибири (собрания Г. М. Осокина, Л. М. Сабуровой, Г. С. Масловой, А. А. Лебедевой),²⁴ Украины (Л. Н. Чижикова), Средней Азии и Казахстана (Е. Э. Бломквист, Т. В. Станюкович).²⁵

В послевоенные годы в деятельности Института этнографии и входящего в его состав МАЭ появляется ряд новых особенностей: создание Московской части Института, увеличение числа научных работников, привлечение новых научных сил способствовало расширению проблематики Института и комплексному подходу к разрешению научных и практических проблем.²⁶ В числе последних прежде всего следует упомянуть консультационную работу по обоснованию новых границ ряда европейских государств, подвергшихся гитлеровской агрессии.

Этой практической деятельности предшествовала теоретическая разработка таких важных категорий как «этническая территория», «этническая граница» и массовый сбор полевого и вещественного материала в пограничных районах, заселенных смешанным (в этническом и конфессиональном отношении) населением. Карпатская экспедиция, например, в которой участвовали два сотрудника МАЭ — М. Д. Торэн и Л. А. Динцес, способствовала как уточнению этнических границ на территории Западной Украины, так и значительному обогащению фондов МАЭ по культуре и быту украинского населения этого региона.²⁷

В настоящее время в фондах отдела Европы МАЭ насчитывается 12 775 предметов, 25 625 негативов и свыше 11 тыс. различных иллюстраций (рисунки, чертежи, фотографии и др.).

Памятники вещественной культуры распределяются по народам следующим образом:

	Число коллекций	Число предметов		Число коллекций	Число предметов
Русские	172	5359	Немцы	6	91
Украинцы	19	718	Австрийцы	1	500
Белорусы	13	384	Албанцы	1	6
Карелы	13	929	Бельгийцы	1	28
Эсты	18	244	Болгары	6	336
Латыши	3	14	Венгры	2	133
Литовцы	4	11	Голландцы	1	3
Удмурты	6	207	Исландцы	2	6
Мордва	18	283	Испанцы	2	9
Марийцы	10	155	Итальянцы	2	497
Чуваши	8	197	Норвежцы	3	4

²³ См.: Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927; Зеленин Д. К. Женские головные уборы восточных славян. — Slavia, Praha, 1926, N 2, s. 303.

²⁴ Кол. № 6280, 6706, 6714 и др.

²⁵ Кол. № 5815, 6368, 6520 и др.

²⁶ Токарев С. А. Этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. — СЭ, 1951, № 2, с. 177.

²⁷ См. кол. № 5838, 5840, 6837 и др.

	Число коллекций	Число предметов		Число коллекций	Число предметов
Татары	19	127	Португальцы	1	6
Башкиры	6	101	Румыны	3	9
Вепсы	2	38	Шведы	2	71
Пермяки	2	62	Шотландцы	2	2
Коми-зыряне	4	28	Французы	5	520
Евреи	4	20	Финны	11	494
Словаки	1	11	Народы Югославии . . .	7	223
Поляки	15	2094			

Таким образом, отдел Европы МАЭ в настоящее время является обладателем значительных и разнообразных собраний по народам европейской части СССР и Европы.

Заключая обзор коллекционного фонда отдела Европы, необходимо подчеркнуть, что по сравнению с другими отделами Музея он все время находился на несколько особом положении. Это определялось, с одной стороны, ходом развития этнографической науки, предметом которой по существу на протяжении всего дореволюционного периода являлись народы, находящиеся на низкой стадии социального развития, в результате чего русские, украинцы, белорусы, а также народы Прибалтики и зарубежной Европы фактически оставались вне изучения; второй причиной, объясняющей сравнительно меньший размах комплектования коллекций, чем в других отделах Музея, является профиль работы МАЭ, «ареной которого является весь мир» (Л. Я. Штернберг). В связи с тем что экспозиция Музея посвящалась в первую очередь зарубежным народам, коллекции же по народам европейской части страны, как правило, не экспонировались, они широко использовались как обменный фонд для обогащения Музея в целом.

В обмен на собрания по материальной культуре русского и украинского народа, например, МАЭ получил из Берлинского музея народоведения, Смитсоновского института (Вашингтон), этнографических музеев Стокгольма, Дрездена, Мюнхена, Буэнос-Айреса, Музея естественной истории в Нью-Йорке и ряда других музеев Европы, Америки и Азии значительное число коллекций по этнографии народов Китая, Японии, Новой Зеландии, Австралии и Океании, Южной Америки и Африки.²⁸

²⁸ См.: Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1894—1917 гг. Пг., 1895—1918; ЛО ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 39, л. 17, 29, 36; № 43, л. 2; № 51, л. 66; № 53, л. 168; № 56, л. 1, 90, 166; № 64, л. 232—234; № 65, л. 183; № 66, л. 407, 442; № 69, л. 130 и др.; ф. 1, оп. 1а (1905), № 152, л. 191; (1911), № 156, л. 345; (1913) № 160, л. 40 и т. д.; Архив МАЭ. Книга регистрации актов выдачи в постоянное пользование коллекционных предметов МАЭ, № 2, № 6 (1952), № 9 (1955), № 18 (1957), № 21 (1957), № 24, 25 (1958), № 60, № 61 (1979), № 62 (1981).